

Вырезка из газеты

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ПРАВДА

г. Ленинград

АКТЕРЫ И РОЛИ

Новое рождение Элизы Дулиттл

ПРОШЛО, кажется, всего только пять лет с тех пор, как выпускница Ленинградского театрального института Алиса Фрейндлих впервые вышла на подмостки Ленинградского драматического театра, ныне Театра им. В. Ф. Комиссаржевской, и с блеском сыграла роль беспризорного мальчишки Коти из пьесы Ивана Микитенко «Светите, звезды».

Я покривил бы душой, если бы сказал, что созданный актрисой-дебютанткой образ озорного и неугомонного одесского мальчугана был в большом смысле этого слова открытием. Подобных мальчишек видали мы на театральных подмостках и раньше.

И все-таки паренек этот чем-то надолго запомнился зрителям. Что-то очень важное и очень свое внесла актриса во внешний и, главное, во внутренний облик своего сценического первенца.

И. А. Гончаров как-то заметил, что «талант имеет то драгоценное свойство, что не может лгать, искажать истину». Это «драгоценное свойство» занимает особенно важное и заметное место в даровании актера. Самая безукоризненная сценическая техника, самая совершенная пластичность и музыкальность не в силах скрыть или, тем более, оправдать актерское притворство и наигрыш. Алиса Фрейндлих действительно сыграла беспризорника Котю в том же или почти в том же рисунке, в каком подобные роли исполнялись и до нее. Но, кроме этого самого рисунка, было в роли и нечто другое: доля заветной жизненной правды, которую нельзя в искусстве заимствовать или повторять и найти которую актер может только в своем внутреннем мире.

Пять лет — срок небольшой, но Алиса Фрейндлих постылаившись уже в первое пятилетие своей артистической жизни сыграть целую галерею девушек-современниц — в спектаклях «Случайные встречи», «Время любить». В ее исполнении на сцене театра предстали Поля Вихрова из леоновского «Русского леса» и Маша из драмы Ольги Берггольц «Рожденные в Ленинграде», и во всех этих характерах, очень разных по внутренней значительности, остроте и своеобразию, утверждало себя на редкость правдивое, ищущее дарование актрисы.

И вот теперь, уже на сцене Театра им. Ленсовета, актриса выступила в одной из коронных ролей мирового комедийного репертуара — в роли чумазой цветочницы Элизы Дулиттл из комедии-поэмы Бернарда Шоу «Пигмалион». О таких ролях, как роль Элизы, принято говорить, что они во всех случаях играют сами за себя и что успех в них тоже сам догоняет актрис, как бы иные актрисы от него ни убегали.

Алиса ФРЕЙНДЛИХ в роли Элизы Дулиттл («Пигмалион»).

Что ж, может быть, это и так, но мне кажется, что именно такие избалованные повсеместным и неизменным успехом роли особенно трудно играть актерам, которые не желают довольствоваться тем, что некогда было найдено, открыто и утверждено их предшественниками. Элизу Дулиттл, должно быть, легко было бы сыграть по готовым канонам, но тем труднее сыграть ее по своему, высвобождаясь из-под власти канонов, а кое в чем и бесстрашно ниспровергая их.

Первое появление на сцене Элизы — Фрейндлих не приносит с собой никаких неожиданностей. Она именно такая, какой зрители готовятся ее увидеть, — нелепая и необузданная, яснее всего высказывающаяся на бесцеремонном языке междометий, без предупреждений переходящая от огулистического и протестующего девчоночьего рева к крикам дикарского восторга и ободрения. Профессору фонетики, любителю изысканий и экспериментов в области человеческой речи, взявшемуся превратить Элизу в «настоящую леди», здесь было над чем потрудиться. Но хорошо сыграть внешнее чудодейственное превращение уличной торговки в светскую женщину — значит решить только часть задачи, которую поставил перед актрисами всего мира Бернард Шоу. Здесь, как говорится, вместе с исполнителями действительно работают сюжет и ситуация, безотказный комедийный механизм, которым великий драматург пользо-

вался с таким непревзойденным блеском.

Более важная сторона дела заключается в том, что внутреннее действие «Пигмалиона» — полное серьезного социально-психологического содержания, которое отнюдь не становится менее важным оттого, что драматург облек его в непри-

комысленную сценическую форму. Рассказывая историю Элизы Дулиттл — в чем-то веселую, а кое в чем и грустную, Шоу зло высмеял современного слишком самонадеянного Пигмалиона, вообразившего, что его хитроумная наука способна заново создавать людей и прививать им качества, которые им кажутся наименьшими. Дело в том, что в Элизе и раньше было все то, чему якобы научил ее Хиггинс; в ней оказалось гораздо больше того, что он способен был бы ей дать, — настоящая душевная тонкость, человеческое достоинство, способность к искренним и целомудренным чувствам. С нескрываемой симпатией художника широких демократических взглядов Шоу любителю в своей пьесе пробуждением настоящей Элизы Дулиттл, которую подлое социальное неравенство чуть было не похоронило под лохмотьями вульгарной уличной крикуны.

Вот эту настоящую Элизу сыграть, как мне кажется, труднее всего. Здесь должно вступить в свои права живое человеческое чувство актрисы, готовность прожить вместе со своей героиней самые трудные и самые затеанные минуты ее внутренней жизни. Именно поэтому меня особенно порадовало то, что самыми сильными в исполнении Фрейндлих оказались четвертый и пятый акты комедии Шоу, где Элиза узнает горечь незаслуженной обиды и разочарования, где не крик, а молчание, не комическая разнужданность, а естественная человеческая сдержанность становится ее главными выразительными средствами. Именно в этих сценах в полной мере проявили себя незаурядное лирическое дарование актрисы, истинная человечность ее таланта.

Подкупающая и бескомпромиссная жизненная правда в сочетании с остротой, смелостью, точностью внешнего штриха, чувство поэзии комедийного характера — вот что дало возможность молодой актрисе по-своему донести до зрителей главную мысль «Пигмалиона». Легкое и значительное, озорное и серьезное слилось в созданном ею образе воедино, и зрители не только весело посмеялись над забавными выходками Элизы, но и не на шутку задумались над причудливой историей ее «превращения».

С. ЦИМБАЛ

Фото В. Яковсона